

Бернд Хайнрих

ЗАЧЕМ МЫ БЕЖИМ,

или

Как догнать свою антилопу

**НОВЫЙ ВЗГЛЯД
НА ЭВОЛЮЦИЮ ЧЕЛОВЕКА**

Колibri

МОСКВА

УДК 796.422
ББК 75.711.5
X15

Bernd Heinrich
WHY WE RUN: A NATURAL HISTORY

Перевод с английского Алексея Целунова

First published by Cliff Street Books, an imprint of HarperCollins as *Racing the Antelope: What Animals can Teach us About Running and Life*. Translation rights arranged by Sandra Dijkstra Literary Agency.

Хайнрих Б.

X15 Зачем мы бежим, или Как догнать свою антилопу : Новый взгляд на эволюцию человека / Бернд Хайнрих ; [пер. с англ. А. Целунова]. — М. : КоЛибри, Азбука-Аттикус, 2020. — 288 с. : ил.

ISBN 978-5-389-15826-9

Бернд Хайнрих — профессор биологии, обладатель мирового рекорда и нескольких рекордов США в марафонских забегах, физиолог, специалист по вопросам терморегуляции и физическим упражнениям. В этой книге он размышляет о спортивном беге как ученый в области естественных наук, рассказывает о своем участии в забеге на 100 километров, положившем начало его карьере в ультрамарафоне, и проводит параллели между человеком и остальным животным миром. Выносливость, интеллект, воля к победе — вот главный девиз бегунов на сверхмарафонские дистанции, способный привести к высочайшим достижениям.

«Я утверждаю, что наша способность и страсть к бегу — это наше древнее наследие, сохранившиеся навыки выносливых хищников. Хотя в современном представителе нашего вида они могут быть замаскированы, наш организм все еще готов бегать и/или преследовать воображаемых антилоп. Мы не всегда видим их в действительности, но наше воображение побуждает нас заглядывать далеко за пределы горизонта. Книга служит напоминанием о том, что ключ к пониманию наших эволюционных адаптаций — тех, что делают нас уникальными, — лежит в наблюдении за другими животными и уроках, которые мы из этого извлекаем». (Бернд Хайнрих)

УДК 796.422
ББК 75.711.5

ISBN 978-5-389-15826-9

© 2001 by Bernd Heinrich

© Целунов А. Б., перевод на русский язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2020

КоЛибри®

БЛАГОДАРНОСТИ

Я благодарен Бобу Колби и Эдмунду Стирне, моим тренерам в средней школе и колледже, чья беззаветная преданность идеалам совершенства вдохновляла меня как на беговой дорожке, так и в жизни. Покойный Дик Кук — учитель, ученый и друг — оказал мне поддержку, столь необходимую в начале пути. В спорте я вдохновлялся примером бесчисленных бегунов, среди которых заслуживают особого упоминания ребята из команды нашего колледжа — покойный Майк Кимбалл, а также Джерри Эллис, Брюс Вентворт, Кирк Хэнсон, Хорас Хортон и Тимоти Картер. Мы бегали вместе четыре важных для меня года. Я благодарю Билла Гейтона за его преданность делу и чувство юмора на посту распорядителя забега. Он сделал суточный забег незабываемым, хотя в этой книге речь идет о другом соревновании. Я должен искренне поблагодарить Дэвида Блейки за помощь в поиске материала и оказанную мне поддержку, а также Ким Лейфилд за невероятно быстрый и эффективный набор текста.

Бегуны глубоко признательны всем, кто помогает им выявлять недостатки, влияющие на темп, силу и функциональность каждого шага. Писательство сродни бегу. Кажется,

можно бесконечно переписывать текст, повышая силу и функциональность каждого слова, пока повествование не наберет нужный темп. Большое спасибо Сэнди Дийкстра, Диане Реверанд, Элис Кэлаприс, Биллу Патрику и особенно моей жене Рейчел Смолкер, которая оберегала меня от множества препятствий на моем пути.

ПРИМЕЧАНИЕ АВТОРА

«Догнать антилопу» (Racing the Antelope) — сначала я назвал книгу именно так, потому что этот заголовок буквально отражает то же, что и знаменитая бушменская пиктограмма (см. рис. на с. 19). К тому же он перекликается с основными темами большинства глав — физиологией и психологией выносливости.

Когда книга впервые вышла в свет, мне позвонил один человек. Он был разгневан. «Откуда вы взяли это название?» — допытывался он. «Ну, я не знаю, оно просто показалось мне подходящим». «Так называлась *моя* книга, которая только что вышла, и я рассказывал о ней на NPR», — заявил мужчина. «Я никогда об этом не слышал», — признался я. «Вы что, не слушали мое выступление на радио?» «Нет. Кстати, а о чем ваша книга?» — спросил я. «Возьмите да почитайте!» — ответил собеседник и швырнул трубку.

Я покинул свой кабинет и затрусил вниз по холму к книжному магазину в Берлингтоне. Стоило мне только войти туда, как я заметил книгу на стенде. Она называлась «Бежать как антилопа» (Run Like an Antelope) и была посвящена рок-группе «Фиш». Мне стало обидно.

Прошло еще полгода. Я хотел дистанцироваться от похожего на плагиат названия, но также чувствовал, что заголовок «Догнать антилопу» не в полной мере передает фокус книги на биологии животных. Дэниел Хальперн, мой редактор, предложил несколько вариантов, и в конце концов мы остановились на таком: «Зачем нам бег. Эволюция явления» (Why We Run: A Natural History). И это было только к лучшему, потому что недавно я увидел в книжном уже третий вариант на тему бегущих копытных — «Бегущий за антилопой» (Running After Antelope)¹.

При таком количестве «антилопых» заголовков окончательное название книги оказывается очень удачным. В своей книге я утверждаю, что наша способность и страсть к бегу — это наше древнее наследие, сохранившиеся навыки выносливых хищников. Хотя в современном представителе нашего вида они могут быть замаскированы, наш организм все еще готов бегать и/или преследовать воображаемых антилоп. Мы не всегда видим их в действительности, но наше воображение побуждает нас заглядывать далеко за пределы горизонта. Книга служит напоминанием о том, что ключ к пониманию наших эволюционных адаптаций — тех, что делают нас уникальными, — лежит в наблюдении за другими животными и уроках, которые мы из этого извлекаем.

---

¹ Сборник автобиографических эссе Скотта Кэрриера, опубликованный в 2001 г. — *Прим. ред.*

ПРОЛОГ

Мечты и надежды наполняют жизнь человека. Для меня их символом служит антилопа — быстрое, сильное и неуловимое создание. Почти все мы гоняемся за своими «антилопами» и даже иногда догоняем, но чаще терпим неудачу. Так почему же мы продолжаем попытки? Я думаю, потому, что без таких воображаемых «антилоп» мы станем тем, чем стали декоративные собачки по отношению к волкам. Пока мы ближе к волкам, чем к собачкам, потому что коллективная охота — часть нашей биологии.

Моя «антилопа» мелькнула на горизонте в начале мая 1981 года. Я увидел свежий след и бросился в погоню. Незадолго до этого я пробежал свой первый ультрамарафон длиной 50 км — короткий забег, который можно назвать ультрамарафоном с большой натяжкой. Но на финальном километре я обогнал тогдашнего рекордсмена США в беге на 100 км, и мне стало любопытно, смогу ли я хорошо пробежать дистанцию подлиннее. Североамериканские состязания по бегу на 100 км должны были состояться 4 октября того же года в Чикаго. Хотя в ту секунду я едва ли мог сделать лишний шаг, но мысль о 100-километровом забеге — на дистанцию

в два раза большую, чем я бегал до тех пор, — уже не уходила из головы.

Проблема была одна: как подготовиться к такому испытанию? Логично, что я, зоолог по профессии, стал наблюдать за наиболее «атлетичными» представителями других видов животных, чтобы найти причины их успеха и чему-нибудь у них научиться. Тем не менее эта книга — не спортивное руководство и не рассказ о моих скромных достижениях в беге. Я пишу о том, что такое ультрамарафон с точки зрения нашего организма, и о том, насколько связан мой беговой опыт с открытиями, полученными при изучении природы. Объединив биологию и спорт, я хочу показать, чем мы отличаемся от других животных и чем мы с ними схожи. В процессе этот подход привел к некоторым новым идеям касательно эволюции человека.

1

РАЗОГРЕВ НА ВСТРЕЧНОМ ВЕТРУ

Я люблю бегать кросс-кантри... Забираешься на вершину холма и замечаешь двух бредущих оленей, как будто вопрошающих: «Какого черта он делает?» А на беговой дорожке я ощущаю себя хомяком.

Робин Уильямс

В эти дни ежедневная пробежка для меня — словно встряска после долгого сидячего дня. Я прихожу домой немного беспокойным, охочим до свежего воздуха, но, когда надеваю беговые шорты и пару легких кроссовок, я словно преображаюсь. Я чувствую себя изменившимся, свободным, словно только что освободившаяся от кокона бабочка. Шнурки завязаны — и спустя мгновение я пускаюсь рысью по дороге.

Сегодня 21 сентября 1999 года. После полудня пасмурно. Я ощущаю приятную мелкую морось на лице. Неподвижность воздуха усиливает звук воды, капающей на листья клена. Листья еще ярко-зеленые, но за неделю-другую они превратятся в палитру из желтого, оранжевого, красного, оранжево-розового и пурпурного цветов. Золотарник, растущий вдоль грунтовой дороги, только начинает увядать, зато продолжают цвести некоторые виды диких астр. Я различаю их бледно-лиловые, пурпурные и синие цветы. Обычно их осаждают шмели, но сегодня эти морозоустойчивые насекомые замерли в своих подземных гнездах глубоко в лесу.

Наблюдая за большой черно-оранжевой бабочкой-монархом, кормящейся на цветке астры, я размышляю, сколько

сахара она добывает из нектара, чтобы «заправиться» для перелета из Канады в Мексику. Бабочки, как и ультрамарафонцы (те, кто бегают на дистанции 50 и более миль), нуждаются в постоянных «заправочных станциях» на своем пути. В последние недели было тепло и солнечно, и я ежедневно видел монархов, взмывающих с помощью медленных, парящих взмахов крыльев. Эти особи — по меньшей мере третье поколение тех бабочек, которые прошлой весной покинули Центральную Мексику и отправились спариваться на северо-запад. Все они сейчас улетают на свои зимовья в прохладные горы близ Мехико, откуда родом их предки. Там они всю зиму сохраняют свои энергетические резервы, буквально впадая в оцепенение, что замедляет их метаболизм. До чего же длинный путь проделывают эти хрупкие создания до тех мест, где долгие месяцы можно поддерживать низкую температуру тела для экономии энергии и при этом не замерзнуть окончательно. Монархи — путешественники на дальние расстояния. Это у них в природе. Это их способ выживания.

У начала дороги к моему дому я сворачиваю налево прямо напротив бобрового болота. Сегодня здесь тихо. В апреле я бы услышал тут какофонию криков бекасов и красноплечих черных трупиялов. Все они умолкли два месяца назад. Стрекозы, которые обычно вылупляются в холодной воде и стремятся к теплу, сегодня осели наземь, их мышцы холодны. Туман собирается каплями на их крыльях по мере того, как они обессиленно релаксируют на болотном камыше. Я бросаю взгляд на хатку бобра в запруде на том конце болота, где гнездились канадские гуси. Никогда нельзя сказать наверняка, кого там увидишь: лося, большую голубую цаплю или выдру. Но сегодня там ни лося, ни гуся. Теперь в любой момент, в любой час зазывающие крики гусей будоражат других птиц, которые тоже устремляются на юг, выстраиваясь

длинными V-образными вереницами. Как спортсмены бегут в ветровой тени друг друга, так и гуси пользуются этим преимуществом — ослабленным сопротивлением воздуха — чтобы сэкономить энергию.

Почти все, что мы о себе знаем, основано на изучении других животных. Горох Грегора Менделя, хлебная плесень Джорджа Бидла и Эдуарда Тейтема, кукуруза Барбары МакКлинток, плодовые мушки Томаса Ханта Моргана познакомили нас с наследственностью. Изучая мышей, крыс, собак и обезьян, мы получили неисчерпаемые знания практически обо всех наших физиологических функциях. Работая с грызунами, мы узнали, как бороться с вирусами и бактериями, как сдерживать хронические болезни. Без наблюдений за животными в их естественной среде, в полевых условиях, знания о нашем поведении, психологии и происхождении были бы поверхностными и фрагментарными. Как сказал старейшина коюконов¹ Гранпа Уильям в беседе с антропологом Робертом Нельсоном: «Любой зверь знает больше тебя»². Поэтому я считаю, что животные могут многому научить нас и в беге. Они занимались этим миллионы лет до появления человека.

Мы можем встретить животных, намного превосходящих людей в трудолюбии, преданности, верности, храбрости, моногамности, терпеливости и терпимости, но опасно оглядываться на них, чтобы оправдывать собственные моральные устои. Животные так же легко могут показать пример ненависти, пыток, каннибализма, детоубийства, коварства, сексуального насилия и даже войн и геноцидов. Они способны объяснить нам, как мы стали теми, кто мы есть, но не должны служить нам примерами того, кем мы должны быть. Мы можем научиться у них бегать, но лишь так, как хотим мы сами.

---

¹ Ко ю ко ны — индейское племя Аляски. — *Прим. ред.*

² Цит. по: *Nelson Richard. The Island Within. Vintage Books, 1991.*

В огромном разнообразии видов на планете мы едва ли самые уникальные или даже самые особенные. Мы — плод длительной величественной эволюции, в которой одновременно сочетается бесчисленное множество ограничений и возможностей. Только через них мы можем беспристрастно разглядеть себя сквозь туман иллюзий и необоснованных догадок.

Возле пруда волосатый дятел на полутораметровом пне почти засохшего сахарного клена долбит по толстым сухим веткам, не замечая бегуна. Рядом стайка зарянок вспархивает с молодых кленов, заросших диким виноградом. В последний день перед отлетом птицы отъедаются ягодами, так кстати поспевшими к этому времени. Тетерев, собирающий с земли сбитые зарянками виноградины, взрывается в шумном вихре крыльев. Я вздрагиваю от его мощного, быстрого взлета. Если тетерева часто тревожить, он устает и теряет способность летать. Зарянки, как и большинство перелетных птиц, могут пролетать без остановки сотни, а то и тысячи километров. Они многое знают о выносливости. У тетерева же есть все, что нужно для взрывного высвобождения энергии. Думаю, он обладает быстросокращающимися мышечными волокнами, как у спринтеров-чемпионов.

Пробежав по дороге чуть меньше четверти мили, я приближаюсь к другому убежищу бобра. Этому всего полтора года. Новая плотина запрудила лес, и этим летом залитые водой деревья погибают. Бобры валят большие тополя вдоль края болота. Так они создают подводные хранилища веток на зиму. Когда я пробегаю мимо пруда, утки-каролинки проворно пробираются сквозь свежий покров из зеленой ряски, чтобы укрыться в затопленном кусте остролиста. Поспевшие ягоды уже красные — сигнал для перелетных птиц. Каролинки обустроили поблизости гнездо — во впадине, выдолбленной хохлатой желной, и в течение нескольких часов после вылупления

утята, как шарики для пинг-понга, выпрыгивают из гнезда наружу. Природа наделила их способностью прыгать в высоту. Семейка молодых уток-каролинок живет здесь с весны. В мае они были крошечными пушистыми цыплятками; теперь все уже выглядят взрослыми.

Через каждые несколько шагов на ветвях деревьев вдоль дороги мне попадают листья, объединенные гусеницами. Раньше я замечал помет гусениц на гладком дорожном покрытии и, глядя вверх, находил больших зеленых цекропий и других мотыльков, которые теперь окуклились, чтобы пережить зиму в спячке. Сейчас гусениц почти нет, зато скоро, когда начнет опадать листва, на виду окажутся незаметные летом гнезда зарянок и виреонов. В бобровом болоте уже пожелтели засыпающие клены. Эти погибающие деревья достигли зрелости раньше остальных, зато теперь они вызывают восхищенные взгляды.

Я разогреваюсь. Мой шаг становится длиннее и свободнее. Я чувствую себя лучше, думаю яснее и вспоминаю давно забытые вещи. Сразу же за бобровым прудом я пробегаю мимо нависающего берега вдоль дороги; весной я нашел здесь гнездо бурого дрозда. Я видел темные глаза птицы, когда она, нахлывшись, наблюдала за мной. Сейчас гнездо заброшено — но в памяти возникают ярко-голубые яйца, голенькие розовые птенчики в легком белом пушке и неуклюжие пятнистые сорванцы, которые потом скакали передо мной на дороге.

Еще немного — и покажется буковое дерево. На дороге нет осколков скорлупы, указывающих на пиршество белок, так что, скорее всего, в этом году деревья не дали орехов. На другой стороне дороги растут старые широколиственные деревья, где я часто видел пеструю неясыть.

Еще несколько шагов — и будет поворот возле яблони, где олени иногда пересекают дорогу и где я однажды увидел двоих ковыляющих куда-то молодых бобров.

Далее идет ровный участок длиной немногим меньше километра. Я слегка ускоряюсь, стараясь представить в уме каждое мое движение. Удивительно, как сознательная визуализация работы тела влияет на бег. Двигайтесь плавно — в точности отмечайте, что делает правая сторона и чем в этот момент занята левая. Думая о том, что я делаю, я чувствую это, затем делюсь информацией с телом — и наоборот. Туда-сюда. Отлично — я понял! Как и большинство наших знаний, это во многом неосознанное действие.

У пруда возле фермы я отклоняюсь от курса и перепрыгиваю забор, чтобы посмотреть на лягушек и увидеть, много ли воды прибыло после недавних дождей. В прошлом месяце я слышал здесь древесных лягушек, а также видел норковых и зеленых лягушек. Словно охотник, исследующий вельд, я надеюсь на множество открытий на своем пути.

Снова бегу трусцей, поднимаю глаза на гору Кэмелс Хамп, затем спускаюсь по длинному склону к реке Хантингтон. Мне хорошо. Меня вдохновляют ожидание того, что таится за поворотом, воспоминания о прежних пробежках, а иногда и соблазн будущего марафона.

2

ДРЕВНИЕ БЕГУНЫ И МЫ

Счастлив тот в песнях умельцев,
Кто одолением рук и доблестью ног,
Мужеством и мощью
Взял лучшую из наград¹.

Пиндар (ок. 500 до н. э.)

Главное в жизни — не победа, а участие.

*Барон Пьер де Кубертен —
перед открытием Олимпийских игр 1896 года*

Все мы от природы бегуны, хотя многие из нас об этом не помнят. Я никогда не забуду, когда впервые ребенком побежал босиком по теплому песку безлюдной лесной дороги в Германии, ощущая запах сосен, слушая воркование диких голубей, наблюдая за ярко-зелеными тигровыми жуками, бегающими или летающими рядом со мной. Я никогда, *никогда* не забуду забег по асфальтовой дороге 4 октября 1981 года — больше 30 лет спустя. В тот день я бежал 100-километровую дистанцию под Чикаго с 261 другим бегуном, мужчинами и женщинами. Так или иначе, каждый из них, как и я, гнался за своей воображаемой антилопой. Когда я начал думать, что бег значит для нас всех и для меня лично, я был поражен яркостью моих давних воспоминаний и новых прозрений. Много миров отделяло маленького босоногого мальчика, бегущего по песку, и 41-летнего биолога в «найках» на чикагской дороге. Но тогда эти воспоминания сплелись в моем разуме в огромной панораме человеческого существования, связывающей нас с животными и уходящей

---

¹ Перевод М. Л. Гаспарова.

далеко в зарю человечества. Эти мысли придали моему забегу новый смысл.

Движение — синоним жизни. Вытянутыми стеблями и закручивающимися усиками растения одно за другим тянутся к свету. Точно так же семена многих растений соревнуются в попытках оказаться на плодородном клочке земли. Иные могут преодолеть тысячи километров с помощью хитроумных и разнообразных приспособлений: по ветру и воде, с помощью птиц, поедающих плоды, или же на шерсти млекопитающих.

Животные двигаются главным образом с помощью собственных сил: они мобилизуют химическую энергию с помощью мускулов. Но, как и растения, мы, люди, не так давно обуздали ветер, воду и других животных для передвижения. И наш вид, в отличие от других, в движении все больше полагается на энергию угля, нефти и атома.

Сотни миллионов лет эволюции некоторые виды испытывали селективное давление, под которым они начинали двигаться дальше и быстрее, делать это экономнее и даже в более суровой среде, чем их конкуренты или враги. И хищники, и их добыча должны двигаться быстрее или умереть. Один безымянный бегун уловил это в известном афоризме: «Каждое утро в Африке просыпается антилопа. Она знает, что должна убежать от самого быстрого из львов, иначе она погибнет. Каждое утро в Африке просыпается лев. Он знает, что должен догнать самую быструю из антилоп, иначе будет голодать. Не важно, лев ты или антилопа — когда солнце встает, лучше бы тебе побежать». Конечно, этим животным не нужно ничего знать об этом — им надо просто быстро бегать.

С помощью нашего бескрайнего воображения и созданных с его помощью технологий мы сейчас перемещаемся быстро, экономно и далеко за пределами возможностей нашей мускульной силы. Но миллионы лет нашим единственным

средством передвижения были ноги. Глубоко внутри мы все еще бегуны, видно по нам это или нет. И наш ум, как и наши легкие, и мускулы — живительная сила, заставляющая нас бежать. Каждый раз, когда один из нас бежит по дороге или занимает стартовую позицию для марафонского забега, мы не просто радуемся жизни в целом и собственной в частности; мы также проверяем на прочность наши фантазии, сравнивая их с реальностью. Мы уверены в том, что не существует волшебства. Отсюда не следует, что миром правит только простейшая логика, потому что, хотя он, может быть, выглядит и просто, но в деталях чрезвычайно сложен.

Практически всю свою жизнь я бегал с разной интенсивностью и на разные дистанции, возможно, потому что первозданная неприукрашенная простота бега взывает ко мне. Бегать можно в разных играх, но лишь бег сам по себе олицетворяет чистую, базовую связь между скоростью и выносливостью, очищенную от технологий, убеждений и шумихи. Ничто — *ничто* в этом мире для меня не сравнится с восторгом от Ли Эванса, входящего в поворот перед финишем 400-метровой дистанции, или с электрической притягательностью Питера Снелла, Кэти Фримен, Билли Миллса или Джоан Бенуа Самуэльсон на последнем рывке к олимпийской победе. Почему? Потому что это чистая мощь.

«Энциклопедия бега» (The Complete Book of Running) Джима Фикса завершается такими строками:

Я думаю, что в беге вовсе нет ничего особенного, напротив, он вполне обычен. Это другие состояния какие-то особенные, поскольку они отрицают привычный нам способ чувствовать. Что касается нас, бегунов, я думаю, что мы возвращаемся назад, к истокам человеческой истории. Мы испытываем то же, что испытывали наши предки десять тысяч лет назад, питаясь фруктами, орехами и овощами, держа в тонусе сердце

и легкие благодаря постоянному движению. Мы — что редко случается с нашими современниками — восстанавливаем родство с древними людьми и даже с далекими предками из дикой природы.

Несколько лет назад в Национальном парке Матопос (ныне Матобо) в Зимбабве мне представилась редкая возможность испытать это чувство родства с древними бегунами, о котором говорит Фикс. Я был в исследовательской поездке, изучал, как температура тела влияет на двигательные и боевые характеристики жуков-навозников.

На гряде холмов, где скальные обнажения покрыты невысокой травой, я увидел и почуял запах белых и желтых цветов акаций, вокруг которых роились пчелы, осы и яркие жуки-бронзовки. Жирафы мирно объедали плоские верхушки акациевых деревьев. Бабуины и антилопы-импалы группами бродили по миомбо¹. В определенное время года в таком пейзаже можно увидеть десятки тысяч антилоп гну и зебр, грохочущих в своих масштабных миграциях. Слоны и носороги топают, как доисторические гиганты. По счастливому стечению обстоятельств я заглянул под одну довольно неприглядную маленькую нависшую скалу и был поражен увиденным.

На стене под навесом была запечатлена вереница маленьких бегущих человечков с руками и ногами в виде палочек. Они держали тонкие луки, колчаны и стрелы. Эти охотники бежали в одном направлении — слева направо — вдоль поверхности скалы. Сам по себе этот петроглиф, которому две или три тысячи лет, не очень примечателен. Но я заметил кое-что еще, и это дало мне почву для размышлений. Крайняя справа

---

¹ М и о м б о — вид лесистой саванны в Африке южнее Сахары, где преобладают деревья из цезальпиниевых бобовых и молочайных. — *Прим. перев.*

Наскальное изображение в пещере

фигурка как будто бы возглавляла процессию. Ее руки были взметены ввысь — универсальный жест бегунов-триумфаторов, пришедших к финишу. Это бессознательное движение инстинктивно для большинства бегунов, которые напряженно боролись, источали жар и дышали пламенем, а затем ощущали радость победы над соперником. Бушменский рисунок остается для меня ярким напоминанием, что корни нашего бега, нашей соревновательности, нашего стремления к совершенству — древние и сидят в нас очень глубоко.

Глядя на этот рисунок на африканской скале, я почувствовал родственную душу — человека, которого нет уже давно, но которого я понимаю так, словно бы мы с ним разговаривали мгновение назад. Я не только находился в той же среде и думал так же, как этот безымянный бегущий охотник-бушмен, — я находился в месте, откуда, скорее всего, вышли наши общие предки. Художник был здесь за сотни поколений до меня, но это был лишь миг в сравнении с целой эрой, прошедшей с того момента, когда прямоходящее существо — промежуточное звено между нашими обезьяноподобными и человекообразными предками — покинуло безопасный лес ради саванны 4 миллиона лет назад и познакомилось с бегом. Нет ничего более изящного, глубокого и иррационального, чем наш бег, — и ничего более свирепого и дикого.

3

СТАРТ

Стоите, вижу, вы, как своры гончих, на травлю рвущиеся¹.

Шекспир. Генрих V

Мне кажется, бушменский рисунок воплощает связь между бегом, охотой и стремлением человека к совершенству ради его самого. Все остальные животные куда более прагматичны. Им недостает творческой силы, не связанной напрямую с конечными мотивами и наградами. Глядя на бушменский рисунок, я вспоминаю ныне покойного Стива Префонтейна из Кус-Бэй (штат Орегон), спортсмена из Орегонского университета, который был одним из величайших и бесстрашных бегунов на средние дистанции всех времен. *Пре* говорил так: «Гонка сродни произведению искусства, на которое люди могут смотреть и которым они могут быть впечатлены настолько, насколько они вообще способны что-то понимать». Да, понимание — ключ к признанию.

Когда я рос, моими идолами были такие бегуны, как Херб Эллиот, Джим Райан и забытые ныне спортсмены из команд-конкурентов, способные меня обогнать. Это были не просто люди. Некоторые из них, казалось, бросали вызов законам природы. Мое восхищение вытекало из понимания того, что

---

¹ Перевод Е. Н. Бируковой.

они делают нечто экстраординарное, недоступное неопытному взгляду. Все, что я знал: это не волшебство. Я хотел знать, что они едят, чем дышат и как живут, что сделало их такими отличными от других людей и столь похожими на некоторых животных, которыми я восхищался.

Созерцание великолепных выступлений людей или других животных не перестает вдохновлять меня. Я потрясен их мечтами, их самоотдачей и отвагой в стремлении к совершенству. Меня переполняют эмоции, когда я вижу ребенка или еще кого-нибудь, кто не сдастся в безнадежной ситуации, кто выходит на пустынные дороги и устремляется по ним с грохочущим сердцем, горящим взглядом и холодным умом. Я восхищаюсь тем, кто имеет отвагу выйти на большой забег в погоню за мечтой. Я сочувствую сердцу, восплававшему в юное Время Сновидений¹, когда мы, бегуны, были еще непобедимы в душе, ощущали себя всесильными и считали, что мир чист.

Многие мои знакомые из сельской глубинки штата Мэн, казалось, не стремились к великим целям. Я видел, как они каждое утро тащились с черными ланчбоксами, термосами и сэндвичами в мрачные лязгающие недра суконной фабрики. Вечером они возвращались, доили коров и шли спать. Спустя годы однообразной, повторяющейся рутины они умирали — обычно в той же больнице, в которой родились.

Мне хотелось большего. С одной стороны, тяжело думать о будущем, не видя никакой возможности что-то изменить в своей жизни. С другой стороны, сложно не попробовать, когда уверен, что можешь сделать что-то особенное, что всегда есть шанс на успех, хотя браться за дело в одиночку значит сильно рисковать. Это редко остается безнаказанным. Каждое

---

¹ *Время Сновидений* — понятие, восходящее к мифологии австралийских аборигенов. Обозначало эру творения, продолжающуюся в параллельной реальности. — *Прим. перев.*

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Благодарности</i>	3
<i>Примечание автора</i>	5
<i>Пролог</i>	7
1. Разогрев на встречном ветру	9
2. Древние бегуны и мы	15
3. Старт	20
4. Назад, в начало	29
5. Кросс-кантри в средней школе	40
6. Котел колледжа	64
7. Как ослабить выносливость насекомого в полете	97
8. Ультрамарафонцы в небе	110
9. Мастерство антилопы	125
10. Секреты сверхвыносливости верблюдов	140
11. Лягушки-спортсменки	151
12. Бежать на двух (или более) ногах	160
13. Эволюция разумных бегающих человекообразных обезьян	170
14. Бежать как собаки и кошки	194
15. Фитнес для тех, кто не в форме	206

16. Питание	214
17. Гоночное топливо	218
18. Подготовка к забегу	227
19. Последние приготовления	244
20. Забег	252
<i>Эпилог</i>	268
<i>Библиография</i>	274

Научно-популярное издание

Бернд Хайнрих

ЗАЧЕМ МЫ БЕЖИМ,

ИЛИ

Как догнать свою антилопу

НОВЫЙ ВЗГЛЯД НА ЭВОЛЮЦИЮ ЧЕЛОВЕКА

Ответственный за выпуск Н. Галактионова

Редактор А. Дановский

Художественный редактор М. Левыкин

Технический редактор Л. Сеницына

Корректоры Т. Филиппова, Н. Соколова

Верстка Т. Коровенковой

В оформлении обложки использованы иллюстрации Shutterstock.com:
Michal Sanca, Alex Veresovich, Uncle Leo

ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус» –
обладатель товарного знака «КоЛибри»
115093, Москва, ул. Павловская, д. 7, эт. 2, пом. III, ком. № 1

Филиал ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус»
в г. Санкт-Петербурге
191123, Санкт-Петербург, Воскресенская набережная, д. 12, лит. А

ЧП «Издательство «Махаон-Украина»

Тел./факс (044) 490-99-01

e-mail: sale@machaon.kiev.ua

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Подписано в печать 22.04.2020. Формат 60×90 1/16.

Бумага офсетная. Гарнитура «Charter».

Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,0.

Тираж 3000 экз. В-SCI-24227-01-R. Заказ №

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт». 170546, Тверская область,
Промышленная зона Боровлево-1, комплекс № 3А
www.pareto-print.ru